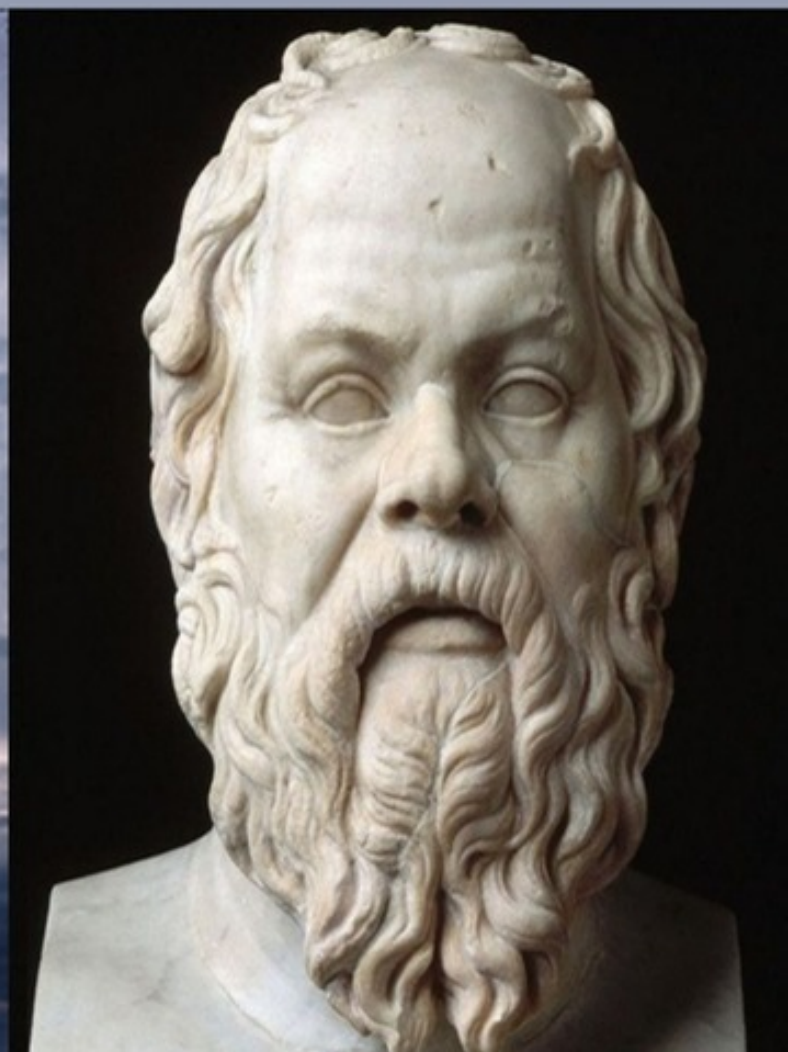

Роман Орлов

*Последний
воин духа*

Роман Орлов
Последний воин духа

«Издательские решения»

Орлов Р. А.

Последний воин духа / Р. А. Орлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851536-1

Действие романа разворачивается в глухом английском городке в конце XX века. В живой, увлекательной и зачастую юмористической форме герои книги, проходя через многочисленные испытания и приключения, пытаются найти себя и нащупать осмысленность бытия. К концу повествования они убеждаются, что всё это вполне можно обрести и в нашей реальности; для этого вовсе необязательно убегать в мир фэнтези, летающих тарелок или лазерных мечей.

ISBN 978-5-44-851536-1

© Орлов Р. А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Первые шаги	8
Улыбка во тьме	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Последний воин духа

Роман Александрович Орлов

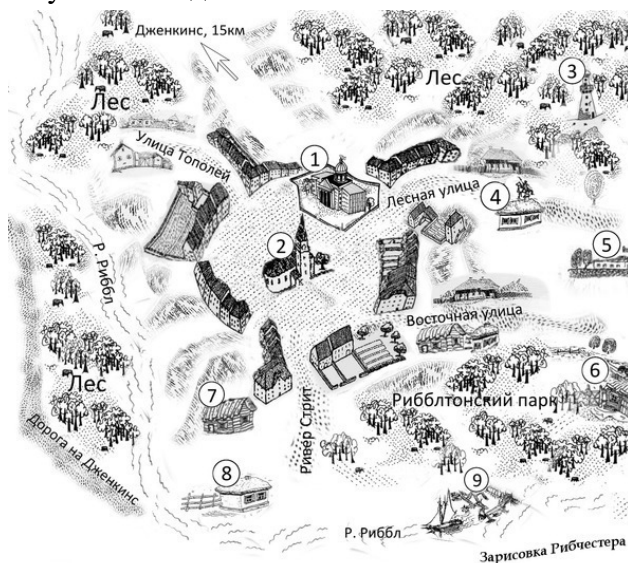
Иллюстратор Ольга Степанова

© Роман Александрович Орлов, 2017

© Ольга Степанова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-1536-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

① Мэрия	⑥ Дом Уолтера и дяди Чарльза
② Площадь, колокол	⑦ Дом Джона
③ Башня леди А.	⑧ Дом Эмили
④ Дом двух А.	⑨ Рибблтон порт
⑤ Дом Уилла	

От автора

Одна из задач книги – показать, что и в т.н. «настоящем» мире, то есть, в нашей с вами реальности, какой мы ее осязаем, не обладая никакими сверхспособностями, можно обнаружить все те чудеса, которые находят читатели в мирах, заселенных драконами, бессмертными людьми, невиданной техникой и всем, что только можно вообразить. Эта книга даже утверждает нашу реальность в противовес выдуманной. Однажды встав на великий путь поиска, человек способен приоткрыть сакральные горизонты мироздания, разрушить оковы собственного невежества, обыденности и косности. И тогда – о, будьте уверены! – жизнь заискрится без всяких вампиров, телепортаций и лазерных мечей.

Но это только *одна из задач!*

Пролог

В маленьком городке Рибчестер, что на реке Риббл, графство Ланкашир, уже вовсю готовились к наступающему Новому Году. Повсюду в домах весело блестели игрушками и лампочками наряженные ёлки. Переливались разноцветные гирлянды, и Батюшки Рождество¹ со снежно-бородатыми улыбками глядели из-за замороженных окон. Маленькие детишки радостно носились туда-сюда и пытались угадать, что же принесёт им в подарок Батюшка Рождество на этот Новый Год? Не оставался в стороне и пятилетний Дик Шелтон.

– Мам, мам, а Батюшка Рождество обязательно принесёт мне сегодня ночью подарки? – вопрошал он с широко открытыми, светящимися предстоящим праздником глазами.

– Конечно, Дик! Обязательно принесёт... если ты не будешь бо-оль-шим шалунишкой! – мама ласково погладила Дика по голове и чмокнула в носик.

– Мам, мам, а много... подарков? – Дик мечтательно прикрыл глаза.

– Всё будет зависеть от твоего поведения, Дики, – ответила мама притворно строгим голосом. – Но, я думаю, что если ты пообещаешь Батюшке Рождество хорошо себя вести и не баловаться в будущем году, то...

– Да, да, да! Пообещаю! И он принесёт мне много подарков!.. Мам, а расскажи, какой он из себя, Батюшка Рождество?

– Он такой большой-пребольшой, – мама показала руками, – с густой белой бородой и в красной шубе. От него веет уж-жасным холодом и настоящей арктической зимой...

– А правда, что он с Северного полюса в оленьей упряжке приезжает?

– Ой, Дики, ну ты меня отвлекаешь от дел. Мне ещё салаты приготовить надо и на стол накрыть.

– Ну, мам! Ну, расскажи! – отчаянно запротестовал Дик и затопал ногами.

– Дик, успокойся. Скоро папа с работы придёт, он тебе и расскажет.

Но Дик и не думал успокаиваться. Он ни на шаг не отставал от мамы и, дёргая её за подол праздничной юбки, который уже грозил оторваться, вопил:

– Ма-а-ам! Ну правда ведь, на оленях?! Верхом?

– Нет, не верхом. Всё, Дик. Сходи, проведай как там бабушка и спроси, не принести ли ей чего. А потом иди в свою комнату и приберись. Не то, честное слово, Батюшка Рождество увидит, как у тебя твои игрушки по всему полу разбросаны и подумает, что не стоит тебе больше ничего дарить, раз ты так с подарками обращаешься...

Не успел Дик состроить обиженную физиономию, как входная дверь с шумом распахнулась, и в дом ввалился весь заснеженный, похожий на Батюшку Рождество, глава семейства.

– Так, так, так! – весело провозгласил он и заулыбался. – Что за радостные крики и звон бокалов? Я, кажется, опоздал на вечеринку и пропустил новогодние поздравления!

– Фред! Ты, как всегда, вовремя! За что я тебя люблю, так это в первую очередь за твою пунктуальность!

– Лесли! – Фред обнял жену. – Я старался, дорогая.

«Пунктуальный» Фред, однако, хоть и пришёл домой минута в минуту, всё же не упустил возможности пропустить со своими сотрудниками пару бокалов в честь Нового Года. Дик, понаблюдав пару секунд встречу родителей, тоже поспешил выразить свою радость.

– Ура, папа! – и он повис у отца на шее. – Пап, а правда, что Батюшка Рождество приезжает с Северного полюса на оленях? Мама обещала, что ты расскажешь!

Фред поднял двумя руками сына в воздух, ласково посмотрел ему в глаза и, не переставая улыбаться, с задором произнёс:

¹ Английская версия Санта-Клауса.

– Правда, Дик. А-абсолютная правда. Чистейшей воды. А точнее, чистейшего *снега* правда!.. Он прискачет сегодня ночью и обязательно принесёт тебе много подарков... – тут Фред заметил, что жена делает ему давно знакомый знак глазами, – если ты, конечно, будешь хорошо себя вести, Дик.

– А вот поэтому, Дики, иди и сделай, то, что я тебя просила, помнишь?!

– Да, да! – и Дик побежал по лестнице на второй этаж, крича и размахивая руками. – Мы с Батюшкой Рождеством скачем на большом белоснежном олене. У-ух! А вокруг бескрайние снежные просторы. Вау! – и Дик скрылся на втором этаже, откуда ещё некоторое время доносились его восторженные возгласы.

– Ну, Фред, ты уже придумал, что мы подарим на Новый Год Робертсонам?

– Да, а как же! – ответил жене Фред, снимая куртку.

– Хорошо. – Лесли прильнула к мужу и нежно погладив щетину, загадочно посмотрела ему в глаза. – Фредди, а что Батюшка Рождество принесёт сегодня ночью нам с тобой? А?!

Первые шаги

Джон Шелтон рос малообщительным замкнутым мальчиком. Уже с самого детства ему начало казаться, что всё вокруг происходит как-то не так, живёт не своей естественной жизнью, как и должно быть, а как будто выдуманно, так, словно злой волшебник заколдовал всё и вся, а сам где-то спрятался и тихо посмеивается, выглядывая из-за ширмы. Маленькому Джону не по душе было буквально всё: не нравилось ходить в детскую подготовительную школу для детей; не нравилось, что вокруг их усадьбы такой высокий забор и за ним ничего не видно; не нравилось это бесконечное противное мамашино «А теперь – баю-бай!» после обеда; не нравилось, что в городе так мало зелёных парков и негде погулять и полежать на лужайке; не нравилось, что когда открываешь окно в своей комнате, чтобы проветрить зловоние лекарств, которыми его постоянно пичкали родители, надеясь излечить его необъяснимую «хворь» (как любил говаривать папаша), – постоянно слышишь этот невыносимый гул машин на улице; его раздражало даже то, что когда он заходил похвалиться своей любимой коллекцией почтовых марок в гости к соседям Робертсонам, эта маленькая задира, Эмили, тут же не пойми откуда извлекала *свой* альбом и горланила на весь дом, что у неё «всё это уже давно есть», и что «это – вообще жуткое старьё, зато, вот, да нет, ты посмотри сюда, Джон, да нет, нет, ты посмотри, чего у меня есть, а у тебя нет: вот таких-то у тебя точно нет! Мне папа вчера из Америки привёз... так-то!..»

Джону казалось, что весь мир восстал против него. Он чувствовал, что стоит один посреди огромного *снежного* поля и вокруг хлопьями падает тяжёлый липкий *снег*, постепенно засыпая его с головой. И вот ещё чуть-чуть, и ему уже никогда и ни за что не вырваться из этих мёртвых объятий леденящего ужаса.

Но всё это были ещё «цветочки» по сравнению с тем, с чем Джону пришлось столкнуться в дальнейшем, а точнее в недалёком будущем. Находясь ещё в той прекрасной поре юности, когда человек практически не обременён знанием социума, с непреложными законами которого каждому рано или поздно приходится знакомиться и уживаться, он находил успокоение в мире детских увлечений и удивительных открытий. Он мог до позднего вечера рассматривать марки в своём альбоме, не обращая внимания ни на кого и даже не спускаясь в гостиную к традиционному английскому ужину у камина в девять часов, после которого ему полагалось ложиться спать. Когда мать заходила к нему и укладывала «на боковую», выключая свет и убирая марки, Джон делал вид, что засыпает. Но как только во всём доме гасили свет, он хватал свой ручной телескоп, выскальзывал на балкон и часами, дрожа от холода, наблюдал за ночным небом, поражаясь величественному свету далёких звёзд и бесконечной множественности раскрывающихся перед ним бессчётных миров. Джон заворожённо следил за перемещением светил и планет, давая всему свои названия. Это был мир его детских грёз, собственный мир Джона Шелтона. И только в эти тихие ночные часы с телескопом в руках Джон мог полностью расслабиться и почувствовать себя без толстой железной брони и сложных заградительных сооружений, которые он настраивал вокруг себя, соприкасаясь с людьми и окружающим миром. Так он и жил, находя единственную радость и утешение в своих полуночных бдениях. Джон потом ещё долго будет вспоминать это время как самое счастливое и умиротворённое в своей жизни. Но ничто хорошее, к сожалению, не долговечно. И Джону вскоре пришлось испытать это на себе в полной мере.

Это случилось после того, как однажды утром его мама нашла Джона сладко сопящим под пледом на балконе, и телескоп рядом. Отец устроил Джону беседу на повышенных тонах, а потом попросту выпорол его ремнём, а телескоп спрятал в шкафу и запер на замок. Для Джона это был большой удар. Тут он впервые в жизни столкнулся с насилием, причём в одном из самых низких его проявлений: когда сильный бьёт слабого, потому как считает, что он,

сильный, *прав*. Весь так нежно оберегаемый и лелеемый Джоном мир вдруг взорвался дикой головной болью и великим множеством бесформенных осколков, разлетающихся по всей вселенной. С того момента Джон окончательно замкнулся и стал ещё более нелюдимым. Он даже почти не общался с родителями.

В то время, как отец спокойно считал, что всё это временное и скоро пройдёт, мать, Джона, Лесли, первая почувствовала неладное.

– Фред, может, тебе не стоило так жестоко с Джоном?.. Ведь психику ребёнка очень легко травмировать, – частенько причитала она, когда они с Фредом ложились спать.

– Да ладно, Лесли, успокойся. Дедовский метод воспитания – всегда самый действенный, – и Фред отворачивался к стенке и начинал храпеть.

Но время шло, а Джон всё оставался таким же. Потихоньку и Фред начал беспокоиться о сыне. Теперь они уже вдвоём с Лесли, запираясь в их спальне на ночь, доставали толстые справочники по воспитанию детей и подолгу рассматривали различные картинки и диаграммы с графиками, где каждому возрасту ребёнка соответствовал среднестатистический уровень развития. В этих двух головах, отупевших после долгих лет супружеской жизни и окончательно засушенных парой высших образований, просто не могло уложиться, что их Джон давно уже перерос все эти безликие «графики» из этих бутафорских «пособий по воспитанию», а то и попросту находился *вне* их. Но его родители этого понять не могли, не умели, а может статься, и вовсе не хотели. Вначале они сваливали всё на неважную экологию, потом на некачественные продукты, потому что где-то вычитали, что ребёнку в первую очередь нужны необходимые витамины и здоровая пища. В конце концов они сошлись на мнении, что во всей этой джоновской меланхолии и апатии виновата смена сезонов – а тогда как раз наступала осень, и погода стояла ветреная и очень промозглая: на улице лужи, слякоть и мокрый снег с ветром вперемешку. На этом родители и успокоились. Но «смена сезонов» закончилась, выпал первый снежок, ударил морозец, а Джон всё оставался в уже привычном ему состоянии, т.е. ни капельки не изменился. Тут-то родители и забеспокоились, причём гораздо серьёзнее, чем раньше. После долгих совещаний, в которых, в частности, вносилось предложение об обследовании Джона психологом (со стороны мамы, единогласно отклонено папой), Фред, наконец, вынес окончательный вердикт:

– Какие ещё, к чёрту, психологи?! Ты думаешь, о чём ты говоришь, Лесли? Я сам с ним поговорю, я что, не отец, а? Или ты хочешь сказать, что я – *плохой* отец? А?! Нет, ну уж всё, решено. Как бы там ни было, но говорить с ним буду сначала *я*, и basta!..

– Ну хорошо, хорошо, Фред, – успокаивала его Лесли. – Чего ты так взъелся? *Я* ж не виновата, что Джон такой!.. Но только ты... прошу тебя, будь с ним поласковой всё-таки, окей?!..

– Да, да, ну естественно... а то ты скажешь тоже – психологи. Ты представляешь, что о нас потом соседи говорить будут? «Вон Шелтоны-то своего малыша уже по психологам таскают, мы всегда знали, что они – ненормальные какие-то... бедный мальчик... какие родители ему достались...» Лесли, ты же *этого* не хочешь?!

– Фред... – Лесли роняла голову к нему на плечо и начинала тихонько всхлипывать. Фред тут же смягчался, гладил жену по голове и говорил:

– Ну, ну, дорогая... всё образуется... ведь ты же знаешь, что бог ни делает, всё к лучшему...

Джон же, наоборот, чувствовал, что всё, что бог ни делает – всё к худшему. И поэтому он тихо радовался, когда видел натянутые словно маски рожи родителей за обеденным столом, весь этот неестественный тон разговора и их поведение. Он подозревал, что они там втайне что-то замышляют, и поэтому не сильно удивился, когда однажды отец завалился к нему в комнату со словами:

– Приветик, Джон. Я тут давно хотел с тобой поговорить...

– Здравствуй, папа. – И Джон с большим трудом выдавил из себя подобие улыбки.

– Джон, мы с мамой... – «ну давай же уверенней, Фред, это же твой сын», – говорил себе Фред, – мы с мамой в последнее время заметили, что ты стал какой-то... необщительный... не случилось ли чего, Джон?

– Нет, нет, у меня всё хорошо, – говорил Джон, а сам про себя думал: «только заметили... да вам впору мягкие контактные линзы примерять, ребята... передайте привет Брод-Стрит...»²

– Джон, но... твоё поведение говорит об обратном... – «идиот! Ну как можно так неуверенно... с сыном... я что не мужик? Или я только могу с ним общаться с помощью плётки?!»

– Джон, прости, что я тогда так... ну ремнём, – всё, Фред шёл на попятную. – Ну ты тоже меня пойми: было же холодно... ты мог замёрзнуть там, на балконе. Да и вообще, ребёнку ночью спать полагается.

– Я, пап, не обижаюсь, я уж и забыл. – И Джон снова заставил своё лицо расплыться в невинной улыбке.

– Джон, ну хочешь, я тебе *снова* телескоп достану? Но, конечно, при условии, что ты больше не будешь *там* спать... – Фред перевёл дух.

– Да, нет, пап, спасибо, не нужно. Марки интереснее.

– Ну может ты хочешь, чтобы мы все вместе, ну скажем, в зоопарк сходили?

«А-а... ну так это и никуда ходить не нужно!», – очень хотелось сказать Джону вслух.

– Ну хорошо, не в зоопарк. Это всё-таки для детей. Но ты-то у нас уже большой, – подлизывался Фред. – Ну тогда, скажем, в кино или в музей?! Во, а хочешь в музей истории Английского морского флота? Это очень интересно, уверяю тебя, и, тем более, я так много могу рассказать и показать! – и Фред, наконец, позволил себе заговорщически улыбнуться.

Но все было тщетно. Такие разговоры ещё продолжались некоторое время, пока Джон со своей недетской настойчивостью не добился своего: дверь за папой захлопнулась с той стороны и от него окончательно отстали. Однако, в том, что Джон более или менее освободился от «недреманного ока» своих родителей, была не только его заслуга. Дело в том, что в это самое время начали происходить события, которым было суждено в корне изменить прежнюю жизнь Джона.

Кончилось тёплое лето, и в окрестностях Рибчестера установилась нехарактерная для всего Туманного Альбиона ясная, тёплая погода. Джон же, несмотря на это, находился в особо мрачном и неприветливом настроении. Он шёл по тенистой аллейке, наблюдая за закатным солнышком, которое медленно тонуло за прозрачным горизонтом и, пробиваясь сквозь колышущуюся листву, играло на мрачном лице Джона. Вокруг жужжали летающие домой пчёлы, кое-где ещё кружились белые бабочки-капустницы, как будто желая успеть наиграться перед зимней спячкой; дул тёплый вечерний ветерок, принося с собой успокоение и расслабленность, и, будто позёвывая, окутывал дремотой всё, к чему прикасались его тонкие, незримые нити. Всё в этот вечер говорило о том, что сама природа наслаждается последними днями благостного затишья перед предстоящим наступлением дождливой и холодной осени. Всё вокруг благоухало и пахло, испытывая блаженство от такой почти вселенской гармонии. Единственное, что сюда никак не вписывалось ни внутренне, ни внешне – это не спеша бредущий посреди всего этого благополучия Джон, душа которого в тот момент была очень далека от «вселенской гармонии». Даже снаружи смотрелся он словно каменная крепость у взморья. Ни ласковые порывы ветерка, ни пение птиц, – ничто не могло перевесить того опустошения, которое сейчас переполняло его, грозясь уже перехлестнуть через край и лопнуть словно мыльный пузырь, напоротившийся на ветку. Даже редкие прохожие старались не смотреть Джону в лицо и деликатно отводили взгляд, к чему, собственно, он уже успел привыкнуть за долгие вечер-

² Give My Regards to Broad Street, 1984 – название кинофильма с Полом МакКартни.

ние прогулки в парке. Его единственными друзьями здесь, а может, и недругами, были только неотступно преследующие его мысли, которые постоянно настигали его, где бы он ни находился. Вот и сейчас, исподлобья наблюдая растворяющийся солнечный диск и красное зарево, уже поднявшееся на западе, весь погруженный в себя, Джон бесцельно брёл между деревьев, тормоша уже начавшие осыпаться пожелтевшие листья. Да, приближались осенние деньки, а с ними и новый этап в жизни Джона – учёба в колледже.

Колледж!.. Несколько лет назад Джон ещё мог бы помечтать об этом как о вступлении во взрослую жизнь, как о кладезе и светоче знаний. Но теперь его уже так просто было не обмануть. Большое влияние на него оказал фильм «Общество мёртвых поэтов»³, который довелось ему случайно увидеть. Он сильно проникся историей, рассказанной в фильме, персонажи стали ему близкими по духу людьми. Он ассоциировал себя с ними, переживая за каждого из них. Но в то время сам он ещё не учился, тем более в закрытом привилегированном колледже для мальчиков, и никак не мог знать, что за порядки там творятся на самом деле...

А на деле всё оказалось немногим лучше, чем он думал. Нельзя, правда, сказать, что в колледже царил такая строгая замкнутая атмосфера и наказывали за малейший проступок. Но и хорошего там было тоже мало. А Джон и не ожидал ничего хорошего. С тех самых пор, как мир его детских мечтаний был разрушен, причём разрушен исключительно людьми, и людьми, в частности, взрослыми – его родителями, недалёкими поборниками правильного воспитания, – с тех самых пор Джон уже не питал иллюзий ни в отношении учебных заведений, ни к людям взрослым. Конечно, он был ещё слишком мал, чтобы осознавать что-то глобальное в отношении людей и мира вообще, но уже успел на своей собственной шкуре убедиться, что люди могут причинять боль. Причём исходя, вроде бы, из самых лучших побуждений!

Но – вот оно, свершилось! Джон, темноволосый паренёк среднего роста с меланхоличным лицом, стоит в ряду таких же поступивших в колледж подростков. Праздничный утренник, старшекласники, выступление директора колледжа и неизменный английский смог, карканье ворон прохладным осенним утром. Джон слушал вполуха. Он снова начал погружаться в свои нерадостные мысли о том, что вот ещё столько лет предстоит теперь учить всякую никчёмную дребедень, слушать болтовню этих, таких мудрых на вид, учителей («вон у одного пузо какое, аж галстук набок съехал; небось насидел такое за долгие часы кропотливой работы над учебниками... м-да... вот так и становятся профессорами»), и что так мало времени будет оставаться на его любимые прогулки в одиночестве по парку, а также... Вдруг Джон почувствовал лёгкий толчок локтём вбок. Он слегка, чтобы не заметили, повернул голову к толкавшему.

– Не грузись, приятель, всё будет отлично, вот увидишь! Меня зовут Уолтер! – весело прошептал ему стоящий рядом паренёк со светлыми, немного вьющимися волосами.

– Ага... Меня зовут Джон, – на автомате откликнулся Джон.

Вступительный урок проводил тот самый «пузан», которого Джон заприметил ещё на линейке. Постоянно обтирая платочком пот со лба и поправляя очки, «пузан» произносил высокопарную речь о пользе образования и важности осознания этого самого образования каждым отдельно взятым учеником каждого отдельно взятого колледжа земли английской.

– Да он ещё и патриот, ты погляди-ка, – иронично бросил Джону Уолтер. Они как-то не сговариваясь оказались за одной партой, причём далеко не за самой первой у доски, скажем прямо – за последней.

– ... и вот, таким образом, констатируя факты, мы можем прийти к закономерному выводу о безусловной пользе изучения всех без исключения предметов, имеющихся в преподавательском курсе нашего колледжа. Также вам будет крайне небезынтересно узнать о том, что силами нашего учительского совета в этом году введён ещё один новый, но смею вас заве-

³ Кинофильм «Dead Poets Society», 1989 г., режиссёр Питер Уир.

речь, ничуть не теряющий от этого своей важности предмет, – изучение английской традиции в контексте современной жизни...

– Джон, – Уолтер снова незаметно толкнул вбок Джона, – слушай, у тебя такой серьёзный вид, будто ты на самом деле собрался изучать всю эту галиматью! Пойдём сегодня после уроков погуляем, надо развеяться. А то, глядя на тебя, я начинаю засыпать!

– Да, пожалуй, – откликнулся Джон, – давай в Риблтон парк, я там часто совершаю одинокие прогулки.

– Идёт!..

Дождавшись окончания уроков, Джон с Уолтером, не заходя домой, пошли гулять в парк. Риблтон парк находился совсем недалеко от дома Джона, – буквально минут десять пешком. Так что он рассчитывал в случае утомительной прогулки сослаться на плохое самочувствие и быстро добраться до дома. Но вышло всё по-другому. Ребята пошли по той же самой аллее, где совсем недавно, несколько дней назад, прогуливался Джон, погружённый в мрачные мысли. Только погода с того момента изменилась, стало холоднее, да и деньки стояли уже не в пример мрачнее, чем в тот памятный день.

– Недавно я гулял тут, несколько дней назад, всё было так хорошо, тёплый ветерок, ясный закат... А теперь этот колледж, всё словно во мраке! – Джон нахлобучил кепку на глаза.

– Скажи мне, ты всегда такой? – спросил Уолтер. – Ну, подумаешь, погода, подумаешь, колледж! У тебя что, нечему порадоваться в жизни?.. Эй, девчонки!

И Джон с ужасом увидел, как Уолтер, выпрямившись во весь рост, и изображая статного джентльмена в шляпе и с тростью, приветствует двух девиц.

– Девушки, не хотите ли отужинать с двумя знатными джентльменами из старинного рода? Стол со свечами у камина, непристойности не предлагать!!! – и Уолтер, опираясь на воображаемую трость и приглашающе размахивая несуществующей шляпой, важно поспешил к девушкам. Приличного вида девицы, на вид несколько старше наших мальчуганов, состроив недовольные и неприступные физиономии, поспешили поскорее убраться в свои далёкие и невостребованные «свои».

– Ну вот, видишь, как всё просто? Эти ушли, других найдём! – и Уолтер достал из-за пазухи припрятанную сигаретку. – Эй, дядь, закурить не найдётся?..

Джон немного ошалело следил за довольно ухмыляющимся, выпускающим целые клубы дыма Уолтером. Уолтер, заметив это, издал на всю улицу радостный вопль, раскинул руки и нараспев громко произнёс:

– Я люблю тебя, старушка Англия, за то что в тебе так много лесов, полей и рек, а также за то, что в парках ходит без парней так много девушек, непременно желающих познакомиться с таким очаровательным молодым мужчиной как я... а также с моим другом Джоном, конечно же...

– Джон!.. – Уолтер подошёл поближе к нему и заговорил тихо, глупая пафосная усмешка сошла с лица его, – Джон, я же вижу, какой ты. Я знаю, что ты не такой как все. Мне всё это более чем близко. Сейчас я просто дурачусь, ну такая уж у меня натура...

Джон внимательно посмотрел в лицо своего нового друга и спросил:

– Не такой? Может быть. Но пока я не давал повода так подумать.

– Это только ты думаешь, что «не давал повода», я-то своих сразу примечаю. Я вот сейчас попытаюсь угадать немного про твою жизнь, а ты только попробуй сказать, что я где-то дал маху! Итак, по всему видно, что ты настроен так, как будто весь мир враждебен тебе, да у тебя и вид такой, словно ты ждёшь удара со всех сторон, да расправь ты плечи, чувак, любовь, всё что нам нужно – это любовь, как завещал великий Леннон... Ты, небось, не в ладах со своими родичами, они не понимают твоих увлечений, ну ещё может с девчонками неудачи сплошные, так это мы исправим, братан!..

Джон смотрел на эту клоунаду с элементами фольклора и жаргонизмами, и думал, ну вот что за странный человек?! Как можно ему довериться, открыться? Ведь ясно же, что от людей ничего хорошего не жди. Но видимо, на лице у Джона отражались все его эмоции, и наверно не надо даже было быть хорошим психологом, чтобы заметить и понять, о чём примерно он думает в данный момент. Вот Уолтер и почувствовал настроение Джона, снова став серьезным:

– Джон, я чувствую, о чём ты думаешь. Да что это за клоун, как можно ему открыться, как можно доверять ему и вообще дружить с таким. Такой я только перед другими, не близкими мне людьми, это просто элементарная самозащита. Пойдём ко мне, музыку послушаем. У меня сегодня родители поздно придут.

– Но, Уолтер, меня дома ждут, – сказал Джон, а сам уже знал, что пойдёт. Он, наконец, почувствовал какую-то симпатию к этому смешному на вид человеку, он даже подумал, что может, наконец, встретил единомышленника? Ну, не то чтобы уж единомышленника, а хотя бы просто того, кому можно без опаски довериться и ничего плохого не ждать.

Минут за двадцать они добрались до дома Уолтера, который, в общем-то, как и дом Джона находился недалеко от Риблтонского парка. Домик за крашеной оградой напомнил Джону его собственный, – типичные жилища для людей, не принадлежащих к высшим общественным прослойкам.

– А вот и мой курятник! – весело произнёс Уолтер. – Проходи, поднимайся на второй, боты можно не снимать!

Джон не нашёлся что ответить, и, сняв кепку, стал подниматься на второй этаж за Уолтером. Стены его небольшой комнаты были увешаны плакатами с различными музыкантами: больше всего тут было Битлз, висел и Джимми Хендрикс, Пинк Флойд, Лед Зеппелин. На письменном столе, и даже на полу стопками лежали музыкальные диски, их было много – самых разных, а на стене приютилась книжная полка, где Джон сразу же приметил какие-то нигде раньше не виденные им книги. Завершающим штрихом к художественному беспорядку в комнате оказался маленький мольберт и несколько картин в углу.

– Ого! – молвил Джон. – Да ты ещё и рисуешь!

– Ну не то чтобы очень, – польщенный Уолтер спрятал довольную улыбку, – но балуюсь иногда. Вот глянь, – он извлёк из нескольких картин в углу, запримеченных Джоном, холст в рамке. – Это последняя работа, находится в стадии созерцания!

– Не понял. Что она созерцает?

– Да не она. Я созерцаю написанное и домысливаю отдельные детали. Это же наш Риблтон парк! Помнишь место, где вниз к пруду спускаешься, там ещё ивы растут? Ну так вот, это вид вдоль пруда. Отдельные детали конечно не дорисованы, ничего не отшлифовано, но мне нравится.

– Да ты молодец. Красиво. А я никогда не пробовал рисовать.

– Ничего! – Уолтер достал из кучи дисков один с изображением множества черно-белых лиц на передней обложке и поставил на проигрыватель. – Всему своё время. Знаешь, что это за музыка?

Заиграла заводная, чем-то сразу цепляющая музыка, и к ней вскоре прибавился проникновенный вокал.

– Это, друг мой, Битлз! – важно продекламировал Уолтер. – Пластинка называется «A Hard Day's Night»! Солирует Джон Леннон!

У Джона возникло странное двойное чувство. Он словно разделился на две несовместимые половинки. Одна из этих половинок на каком-то глубинном внутреннем уровне сразу же восприняла эту музыку, этот проникающий голос, слова, чётко отпечатывающиеся в сознании. А другая половина говорила, что Битлз, да, но это же было давно, это музыка несовременная, как она может быть близка, ведь это было более тридцати лет назад... Нельзя сказать, что Джон когда-то интересовался музыкой более заметно, чем другими вещами, по крайней мере

не интересовался ей специально, не собирал никаких записей. Конечно, он слышал отдельные песни Битлз, ведь все они выросли в Англии, это неотъемлемая часть истории страны, как королева Виктория или Тауэр. Но он редко включал радио или телевизор, его мало занимало то, что там можно было услышать или увидеть. Современной ему музыкой он не интересовался, равно как и музыкой вообще. Внешний большой мир вообще мало занимал его до этого момента, он всё ещё не мог оправиться после того, как отец обошёлся с ним. После того, как все его детские увлечения и мечтания в момент были порушены его сильно любящими родителями. Увлечение марками как-то само отошло, телескоп он уже давно не брал в руки, отчасти потому что не хотел, чтобы его родители видели, что сделали ему больно. Он вообще, как мог, скрывал от них своё состояние и настроение. В последнее время он ничем особенным не увлекался, в основном только переживал боль, причинённую ему другими людьми... И вот тут эта музыка обрушилась на него с такой силой, проникла в глубины его естества, его «я». Музыка, заставляющая вслушиваться, привлекающая внимание с самых первых нот. Музыка, мимо которой просто невозможно было пройти. Джон стоял и никак не мог осознать, почему же он раньше не обращал внимания на Битлз.

– Я вижу, тебе нравится, Джон! Это здорово! Я пойду, поставлю чайку, согреемся после прогулки в такую погоду, – и Уолтер ушёл ставить чайник.

Джон в некотором оцепенении подошёл к книжным полкам и начал читать названия. Тут стояли Кортасар, Маркес, Достоевский, Дилан, книги о Битлз. И ещё одна, которая привлекла его своим затейливым названием «Дж. Р. Р. Толкин. Властелин Колец»⁴. «Какое название необычное, хм, это что, фантастика?» – подумалось Джону.

– А вот и чаёк для нас с тобой, присаживайся к столу, угощайся печеньем! – Уолтер поставил поднос с двумя чашками на небольшой журнальный столик. – Ага, я смотрю, тебя уже и книги заинтересовали.

– Да, ммм, интересная подборка, честно говоря, я и названий-то таких не слышал.

– Я дам тебе почитать кое-что интересное, – сказал Уолтер, доставая с полки тот самый загадочный «Властелин Колец», – вот, держи. Я думаю, тебе понравится! А как музыка? Неужели раньше не слышал? Я вижу, на тебя действует, возьми с собой тоже! Ну же, бери!..

Придя вечером домой с двумя дисками и книгой, данными ему Уолтером, Джон, лишь кивнув в знак приветствия родителям, уединился у себя наверху. На все вопросы из-за двери типа «Ну как же, сегодня же твой первый учебный день! Это же так важно и радостно! Неужели ты не хочешь поделиться с нами?» Джон кратко отвечал, что всё прошло нормально, но он устал и хочет отдохнуть и выспаться, и что «нет, ужинать он не будет».

За окнами уже стемнело, но Джон решил не зажигать свет. Он достал свечу, запалил фитиль и поудобнее устроился в кресле перед камином. На коленях у него лежали вещи, которые он принёс от Уолтера – два диска и книга. Музыку Джон решил не ставить, у него и так никак не выходили из головы эти блистательные мелодии и чарующий голос, голос Джона Леннона. Мыслей было так много, что они путались, впечатления наслаивались друг на друга, и Джон всё никак не мог подумать о чём-то связно. «Ты же не такой как все», – пронеслись у него в голове туманной тенью слова Уолтера. «Не такой... как все... что это значит... не такой...» Джон подозревал это всегда, но никогда не произносил это так прямо. «Но как, откуда... он даже почти не поговорил со мной, он будто сразу догадался в чём дело... Уолтер. Кто он, откуда?» – но ответов не было; лишь отсветы пламени беззвучно, плясали на стенах, вырисовывая причудливые фигуры. «Вот так и вся моя жизнь, словно пляшущие, прячущиеся, крадущиеся друг за другом тени с разинутыми пастьями», – подумал Джон. Опустив взор на книгу, он снова, как и дома у Уолтера прочитал: «Властелин Колец». Открыв, он как-то

⁴ Знаменитый роман-эпопея английского писателя Дж. Р. Р. Толкина

незаметно для самого себя погрузился в чтение. И, хотя было довольно темно, чтобы читать, его в тот момент это заботило меньше всего. Джон совершенно выпал из времени. Прошло, должно быть, часа два или три, а Джон всё не отрывался от книги. Наконец, он положил открытую книгу на стол, поднял уставшие глаза и перевёл взгляд в пламя камина, где догоравшие головешки потрескивали и разбрасывали снопы искр. В это время страницы книги сами перелистнулись далеко вперёд, и полуночному чтецу бросилась в глаза строка: «и вот уже надпись на нём, поначалу яркая как багровое пламя, начинает исчезать...»⁵ Джон попытался читать с места, где остановился, но странная фраза не давала покоя; вот он снова отвлёкся, блуждающий взгляд его скользнул на стену, где мрачные тени по-прежнему сплетались в ритуальном танце. Глаза Джона стали слипаться и сквозь полуприкрытые веки ему почудилось, что тени – это полчище неведомых чудищ, беснующаяся армия орков⁶, а он стоит посреди огромного снежного поля с мечом в руке один на один против всех этих тварей... Веки Джона закрылись, и книга мягко опустилась на колени, сон, наконец, одел Джона в свои сладкие оковы.

– Да приятель, я смотрю, ты слегка не выспался! – приветствовал друга Уолтер, когда на следующее утро они встретились около входа в колледж. – Уж никак провёл бессонную ночь с одной из вчерашних дамочек? Чувак! Я сразу углядел, как одна из них на тебя смотрела. Опытного рыцаря Уолтера, участника бесконечных турниров и сражений, победителя сердец бесчисленных благородных красавиц, не обманешь!

– Да уж ты скажешь тоже... Тебе бы книги писать...

– О, это я ещё по юности лет не пробовал. Понимаешь, столько всего интересного, что просто невозможно угнаться. А как хочется всё успеть в этой жизни! Ну, ты перестал, наконец, переживать по всяким пустячным поводам? Тебя заинтересовало то, что я тебе вчера дал с собой? – и Уолтер многозначительно поднял левую бровь.

– Да ты уже наверно догадался отчего у меня такой измученный и не выспавшийся вид. Уж явно не от дамочек, и, по крайней мере, точно не от этих вчерашних вертихвосток!

– О! Ты меня радуешь всё больше! Пойдём, на уроке расскажешь, уже звонок был.

Уроки были в большинстве своём неинтересными, если не сказать скучными. Зато Джон с Уолтером на задней парте не скучали. Вели они себя тихо, поводов для подозрений не вызывали, что и давало им возможность посвящать много времени разговорам и вообще каким-нибудь своим делам.

– Ну давай, рассказывай! – Уолтер повернулся к Джону.

– Пришёл вчера домой, присел в кресло у камина и начал читать. Да так зачитался до глубокой ночи, что заснул с книгой в руках там же, на кресле.

– Ты начал читать «Властелин Колец»?!

– Да. Никогда не читал ничего подобного. Захватывает! Потом даже сон странный приснился.

– О, интересно, расскажи!

«Сегодня мы поговорим об одной из самых замечательных наук, созданных трудами выдающихся учёных человечества. Мы будем говорить о математике». – Вещал тем временем преподаватель.

– Я стоял посреди бескрайнего снежного поля...

«...и только соблюдая принципы общества, только признавая его законы и повинуюсь им, мы можем говорить...», – твердил тем временем учитель.

– Один, с огромным двуручным мечом с широким лезвием...

⁵ Already the writing upon it, which at first was as clear as red flame, fadeth and is now only barely to be read.

⁶ В легендарии Толкина злобный народ, выведенный Чёрным Властелином.

«... говорить о том, как важно понимать, что один человек, без использования опыта прошедших поколений, не может...»

– Окружённый со всех сторон полчищем орков...

«... никогда не постигнет той мудрости, никогда не сможет самостоятельно дойти до тех высот, что долгими упорными трудами готовили для него отцы и деды...»

– Боязливый, смертельный, но непобедимый...

«... индивид должен осознавать свою нишу в обществе, тогда, и только тогда из вас может вырасти что-то стоящее...»

– Враги подступали всё ближе, скаля жуткие пасти...

«... тут мы подходим к гениальности всей этой идеи, этой концепции, всего этого великолепия, созданного только благодаря усилиям целого сообщества людей, а не отдельных ничтожных его элементов...»

– Я... – тут Джон потупил загоревшийся было взгляд. Дальше я не могу вспомнить.

– Значит твоя битва ещё впереди! Мы будем биться на одной стороне, брат мой! – многозначительно произнёс Уолтер и положил руку на его плечо. – А вот и перемена, пойдём, пройдемся немного.

Они вышли прогуляться под сенью растущих около колледжа деревьев. Листья с них уже почти вся осыпалась, осень быстро давала о себе знать. Слегка накрапывал мелкий холодный дождик, и Уолтер закутался в плащ.

– Слушай, – сказал он, – а забавно, что тебе приснился именно двуручный меч, ведь таким только ведьмаки вооружались.

– Кто?

– Назгулы⁷.

– А!

– Давай сегодня снова соберёмся у меня, – предложил Уолтер, доставая сигаретку. Пойдём-ка за школьные ворота, покурим, никто там нас не увидит. Будешь? Это «Честер».

– Да я вообще-то не курю.

– Не куришь или просто ещё не пробовал? – ехидно поинтересовался Уолтер. – Я не настаиваю, но если хочешь, попробуй. Всё в жизни стоит попробовать и пропустить через себя. Только тогда можно говорить о том, хорошо это или плохо.

– Ладно, давай!

Они немного постояли за воротами, прикуривая друг другу сигареты. Курить у Джона с первого раза, конечно, не получилось, и он закашлялся.

– Да ты не в рот набирай, в себя тяни, вовнутрь!

– Ага... Кх-кх...

– Ладно, пойдём, пора обратно идти, на тебе жвачку, чтобы не засекли.

Возвращались они к Уолтеру пешком, избегнув скучной поездки на автобусе. И хотя холодные капли дождя всё чаще норовили упасть ребятам то на макушку, то на нос, то за шиворот, они этого совершенно не замечали. Что там какой-то дождь по сравнению с таким увлекательным разговором.

– Видишь ли, любезный друг, мой плащ не промокает, – объяснял дорогой Уолтер. – Дело в том, что он эльфийский⁸.

– Ну ты ещё скажи, он невидимым тебя делает.

– Да нет! – они посмеялись. И Уолтер объяснил с неохотой:

⁷ В легендариуме Толкина бывшие короли рода людей, поработанные Чёрным Властелином и развоплотившиеся.

⁸ Здесь и далее один из народов в легендариуме Толкина.

– Ну, эльфийский, как тебе сказать... Да, его сшила для меня одна прекрасная эльфийка. Её зовут Лютиэн.

– Ух ты!

– Но ты можешь называть её Анна. Кстати, могу познакомить, если хочешь, она сегодня должна зайти ко мне. Так что, может, соберёмся у меня после занятий?

– Да, интересно! Анна – это твоя девушка? Или просто знакомая?

– Скоро увидишь, – улыбаясь произнёс Уолтер.

Как и накануне, они снова уселись у камина. Уолтер согрел чайку, приготовил бутербродов, и они сели перекусить. Надо сказать, что день был длинным, школьные занятия весьма утомительными, а у них и крошки во рту с утра не было. Нужно было срочно подкрепиться!

– Ну как, а битлов-то послушал? – спросил Уолтер, набивая полный рот. – Ах, чаёк, горячий, хорошо!

– Нет, вчера не слушал. Послушаю ещё, может сегодня. Я как за книгу засел, так и заснул с ней. Скажи, а как ты ко всему этому пришёл? Толкин, музыка такая необычная, несовременная?

– Ну, не буду душой кривить. В этом большая заслуга отца. Музыка Битлз и других достойных команд звучала в нашем доме ещё до моего рождения.

– Да, такое случается, но далеко не всегда люди проникаются, когда родители что-то им навязывают. Вот мои, например...

– Ага. Только не говори, что *твои* битлов слушают! Хочешь наверно сказать, что ты из чувства противоречия не стал бы следовать примеру родителей?

– Когда я их узнал получше, когда чуть подрос и что-то осмыслил, то, честное слово, появилось большое желание начать делать всё наоборот – вопреки им самим и их заплесневелым предписаниям.

– Да, тебя, видно никогда не понимали. – Уолтер с грустным видом откинулся на спинку кресла.

– Они, видишь ли, всегда считали меня маленьким, глупеньким, хворым, я думаю, они меня всю жизнь собираются таковым считать. И всегда думали, что лучше чем я сам знаю, что мне нужно, а что нет. Чем мне интересоваться, а чем и не стоит...

– Да, есть такой фенотип людей. Ничего с ними не поделаешь. Расскажи, чем ты увлекался, что вообще с тобой такое случилось, что я, не зная тебя, сразу же заметил, что с тобой что-то не так?

– Да не так уж интересно это рассказывать... В общем... – и Джон вкратце рассказал Уолтеру свою грустную историю. Тот не перебивал, только подливал им иногда чаю, да посматривал на часы.

– Ну что ж, – сказал он, когда Джон, вздохнув, закончил свой монолог, – ясно, теперь всё ясно. Однако, хватит печали на сегодня. Уже должна подойти Лютиэн!

И он угадал. В прихожей в этот момент раздался звонок. Точнее, не звонок. У Уолтера для этих целей использовался колокольчик. Прямо как в старину! Пока Джон умилялся этому маленькому открытию, Уолтер с Лютиэн поднялись наверх.

– А вот и леди Лютиэн!

Джон ожидал увидеть кого угодно: и мудрую эльфийскую деву, от которой исходит свет, и маленькую, необычно одетую девушку – ну что-то вроде самодельных вязаных шапочек с затейливыми узорами и длинных плащей как у Уолтера, всякие бусы из бисера, – но он не угадал. В комнату вошла самая обычная с виду девушка, без всяких плащей и сверкающих изумрудами волос до пят, но было в ней что-то, что заставляло задержать на ней взгляд чуть дольше, чем следовало бы тому, кто хотел бы остаться в этом незамеченным. Она была среднего роста, обладала длинными черными волосами, черты лица её были мягки и притягательны, хотя их

носительница отнюдь не производила впечатление легковесного человека, скорее наоборот – привлекала внимание некоторая серьезность или сосредоточенность. Но самое же большое таинство скрывалось в её глазах – тёмно-синие очи сразу пленяли глубиной и радостью открытия мира.

Джон на секунду встретился с Анной взглядом. Всего на секунду, но этого хватило! Какой-то почти физически ощутимый свет исходил из глаз её, незримая сила, заставляющая смотреть в эти синие очи не отрываясь. Уолтер заметил замешательство Джона и сказал, поворачиваясь к Анне:

– Это Джон, мой новый друг. Мы с ним учимся вместе и уже сдружились. А это, – он учтиво указал Джону на Анну, – Лютиэн, Лесная Дева. В миру Анна.

– Здравствуй, Джон, – улыбнулась Анна, – очень рада. Вообще рада за вас, у Уолтера давно не было никаких друзей.

– У него-то? – Джон от удивления даже показал на Уолтера пальцем, что привело того в совершеннейший восторг. – Он такой общительный человек, такой открытый, я просто не могу в это поверить.

– А ты так ничего и понял до сих пор? – спросил Уолтер, а Анна многозначительно улыбнулась. – Лютиэн? Споём ему нашу последнюю балладу?

– С удовольствием, Берен.

Уолтер взял в руки акустическую гитару, уселся напротив Анны, и они начали. Нежные звуки перебора переплетались с чистым, высоким голосом девушки. Джону моментально представились флейта и клавесин, вплетающиеся в музыкальное полотно. Если бы он слышал группу Steeleye Span, то наверняка провёл бы параллели с их музыкой и голосом Мэдди Прайор. Но Джону ещё не довелось познакомиться с этой замечательной командой, поэтому он тихо и восторженно внимал дивным звукам, уводящим в совершенно другой мир. В балладе воспевалась история любви Берена и Лютиэн⁹, рассказывалось о двух последних воинах Света, восставших против неизбежного Конца Мира и порабощения людей их же собственным разумом... Джон заворожённо слушал. Величественные картины представляли перед взором его. Стены древних замков из потрескавшегося камня, бесчисленные армии орков и людей, которые простирались до горизонта и уходили за него. И Берен с Лютиэн в кольце врагов, сразившие целые горы этих тварей, бесстрашные, непобедимые, вершащие последний бой этого Мира... К реальности Джона вернулся незнакомый голос:

– Всем добрый вечер! Какая замечательная компания собралась тут сегодня! – это вошёл отец Уолтера.

– Привет, пап, – сказал как раз закончивший играть Уолтер. – Это Джон, мой одноклассник и новый друг. Мы тут его, так сказать, сообща приобщаем к прекрасному! Джон, – Уолтер повернулся к нему и, показывая на отца, представил его. – А это мой замечательный отец, мистер Чарльз МакКензи!

– Ну, – немного смутился отец Уолтера, – я думаю, можно и просто Чарльз. Дядя Чарльз, если хотите. Анна меня так давно уже называет.

И мистер МакКензи и Джон обменялись крепким рукопожатием.

– Пап, побудь немного с нами, ты так много интересного можешь рассказать! – попросил Уолтер.

– Ну уж, много, – застеснялся Чарльз, – что-нибудь о музыке?

– Расскажи нам о той замечательной эпохе, когда люди ещё верили, что мир изменится, когда трава была зеленее. – Попросил Уолтер.

– Если ты имеешь в виду 60-е годы, сынок, – медленно произнёс Чарльз, – то ты прав, времечко было действительно золотое, а мир – юн, словно капли утренней росы под восходящим

⁹ Берен и Лютиэн – герои легендарного Толкина, история их любви и подвигов описана в книге «Сильмариллион».

солнцем в горах. О битлах рассказывать не буду, об этом и так написано много книг. Но вот что творилось в мире, в умах людей... Это было время просветления и новых надежд! Помню как мы, находясь примерно в вашем возрасте, ходили в лондонские клубы – Marquee, UFO. Там проводились просто невообразимые хепенинги. Концерты, на которых была самая разнообразная публика, все одевались во что хотели, носили цветастую хипповую одежду, обвешивались самодельными фенечками, сплетёнными из бисера. Люди читали в этих клубах свои стихи, играли какую-то музыку. Причём, в одном конце зала могла играть одна группа, в другом – совершенно другая. И всё это под невообразимые световые шоу, пионерами которых были Pink Floyd. Царила атмосфера любви и товарищества, любой мог подойти к любому и сказать что-то или просто обняться, прочитать свои сочинения, поговорить о философии. И никто ни на кого не смотрел как на ненормального. Можно было всё, всё разрешалось и всё находило понимание. Молодёжное движение было таким стихийным протестом против истеблишмента, коммерции, потребительского подхода к жизни. Мы верили, что мир изменится, и что вот оно – начало чего-то грандиозного. – Чарльз рассказывал с горящими глазами, голос его был вдохновенен, но вот он сделал паузу, и взор его погас. – Это было давно. Теперь, когда с тех пор прошло уже тридцать лет, при взгляде на современный мир и общество, просто не верится, что такое вообще могло происходить... – Он снова поднял голову, взор его прояснился. – Однако вы меня радуете. Я никогда ничего не рассказывал Уолтеру, не навязывал ему этой музыки, что звучала тогда в сердцах многих людей. Он как-то сам заинтересовался всем этим, нашёл мои старые пластинки, книги, и вот он уже знакомит со всем этим других. Стало быть, тлеющие огоньки надежды, возможно, снова вспыхнут в полную силу!

Джон не уловил смысла последней вдохновенной фразы отца Уолтера – дяди Чарльза, но почему-то она отпечаталась в его памяти. Он запомнил эти слова на всю жизнь.

– Ну, меня ждут дела, – сказал дядя Чарльз вставая. – Ещё увидимся!

Уолтер отложил гитару и, усевшись глубоко в кресле, обвёл задумчивым взглядом компанию.

– У отца была вдохновенная юность, полная надежд и веры в будущие свершения, – сказал он, когда тот вышел. – А мы сидим тут, потерявшись где-то среди мрачного безвременья девяностых годов...

– Уолтер! Так не похоже на тебя – предаваться унынию, – произнесла Анна как можно веселее. – Давай расскажем Джону историю нашего с тобой знакомства! Думаю, это тоже в некотором роде впечатлит его.

– Да уж, он наверняка хотел спросить нас об этом, – оживился Уолтер. – На основе этой истории мы с Лютиэн сложили балладу.

– Но нынче мы не станем её исполнять, мы просто расскажем, – подмигнула ребятам Анна.

– Да нет, мне очень понравилось, честно. – Джон подумал, что его подозревают в том, что ему не пришлась по душе исполненная песнь.

– На самом деле история нашей встречи слегка напоминает встречу настоящих Лютиэн и Берена.

– Настоящих? – удивился Джон.

– Это герои Толкина, – ответил Уолтер, но не из «Властелина Колец», а из самой первой книги о Средиземье¹⁰ и сотворении Мира. Я тебе потом дам прочитать, если будет желание.

– Однажды весной, когда уже припекало яркое тёплое солнышко... – начал Уолтер.

– И травка пробивалась сквозь сухую слежавшуюся листву... – вставила Анна вкрадчивым голосом, каким обычно детям рассказывают сказки.

¹⁰ В легендариуме Толкина место, где происходят основные события романа «Властелин Колец».

Все засмеялись, причём Джон скорее для того, чтобы снять некоторое внутреннее напряжение.

– Говоря более прозаично, для меня тогда настали мрачные тяжёлые времена. Вера начала покидать меня, и я искал уединения. На северной окраине Рибчестера есть старый лес, он выходит за границу города, наверно ты знаешь или был там. – Уолтер кинул взгляд на Джона. – Я взял с собой гитару, курительную трубку, немного лонгботтомского¹¹ табака и отправился в лес. Долго блуждал я неведомыми лесными тропами, но нигде сердце моё не чувствовало ни покоя, ни умиротворения. Вдруг совершенно неожиданно вышел я на прелестную, дикую, нехоженую поляну, всю засыпанную прошлогодними листьями. Посреди поляны лежало поваленное старое дерево. В этот момент я почувствовал, что вот оно, место, которое я искал, тут можно сделать небольшой привал или задержаться подольше. На меня нашло некоторое успокоение, я присел на бревно и раскурил трубку. Так свеж и приятен был весенний ветерок, так легко и звонко пели птицы, радуясь просыпающейся вокруг природе, что мысли мои как-то сами взмыли ввысь и очистились от серого тумана, что снедал их в последнее время. Я взял в руки гитару и заиграл. Сначала я просто брал аккорды, воображая себя таким бродячим менестрелем с лютней. Кстати, Джон, я увлекаюсь музыкой барокко, как-нибудь расскажу. Постепенно я вообще перестал воспринимать окружающий мир, погрузившись в эту замковую музыку. У меня начала вырисовываться мелодия, которую, я, сам того не замечая, периодически повторял. В такой идиллической обстановке я провёл час или более и ничто не нарушало моего покоя, как вдруг в мою песнь совершенно гармоничным образом вплелись какие-то чистые, девственно красивые высокие звуки. Я вернулся к реальности и узрел на поляне Лютиэн в снежно-белом одеянии до пят, с длинными распущенными волосами и венком из цветов. Она вся сияла в лучах заходящего солнца. Я тогда подумал, что это не иначе как божественное видение и боялся пошевелиться. Но Лютиэн плыла ко мне и пела. Голос, вернувший меня на землю, исходил от неё! Она подошла и присела рядом на траву. Я же, не смея прекращать игру, взирал на неё, и сердце моё наполнилось неведомыми мне до тех пор чувствами.

– Наконец, я улыбнулась и прекратила петь. Я – Лютиэн, Дева-Цветок, Дитя Сумерек, сказала я.

– Меня зовут Уолтер, сказал я, – и Уолтер изобразил грациозный поклон, который, видимо, имел место быть в реальности.

– Мы пели и смеялись до самой ночи, встречая появление первых звёзд, – продолжала Анна, – а когда совсем стемнело, стали пробираться домой неведомыми тропинками, которые всё петляли по волшебному, засыпающему лесу. Шум ветвей, в котором звучало неутраченное эхо нашей песни, сопровождал нас до самой опушки...

– Как-нибудь мы покажем тебе это место, если захочешь, – сказал Уолтер, – я уверен, что там и зимой так же хорошо, как и весной.

– Анна! – Джон обратил вопросительный взор в сторону девушки. – Я пока не привык к вашим новым именам, ничего, если я буду звать вас именами, которые дали вам родители?

– Конечно, – ответила она. – Каждое имя хорошо, плохих ведь не бывает. Дело вообще не в именах, а в людях. И Анна и Лютиэн одинаково имеют право на существование.

– А у меня пока нет прозвища. Анна, расскажи ещё что-нибудь о себе, если ты не против, – попросил Джон и тут же смутился – неловко выпытывать у девушки что-то из её жизни. – Ну, я имел в виду хотя бы то, как ты вдруг оказалась в том лесу.

Уолтер с Анной заметили, что Джон застеснялся и спохватился. И улыбнулись.

– Ты нам нравишься, Джон, у нас нет от тебя секретов, – сказал Уолтер.

¹¹ Лучший табак в Хоббитании (страна хоббитов в легендарииуме Толкина).

– Тот день, в начале весны, – кстати, это было в этом году, если интересно, – тот день был для меня тоже не самым светлым. Устав от городского шума, переполнившись людским общением, я так же искала уединения от сует мирских. И вспомнила про этот лес на окраине города. Я долго гуляла одинокими тропами, пока меня не привлекли чудные звуки музыки. «Эльфы!» – первое, что подумалось мне. Конечно, это немного глупо, но я пошла на эту мелодию. И песнь, спавшая до того времени, пробудилась во мне, я запела под удивительную мелодию и вышла к Берену. Дальше ты знаешь. Надо сказать, что с миром Толкина он тогда не был знаком, так что и ты не стесняйся. Если уже влюбился в этот мир, скоро изучишь его достаточно хорошо.

– Да, я уже чувствую, меня скоро будет не оторвать. А ты наверно живёшь где-то недалеко?

– Да, мы все живём неподалёку друг от друга, ведь городок-то наш мал. Я живу вдвоём с мамой. Она у меня тоже замечательная: благодаря ей я с детства знакома с книгами Толкина. Я воспитывалась в тёплой, ненавязчивой атмосфере, мне всегда можно было делать всё что душе угодно. Но мне обычно не хотелось никуда уходить: ведь с мамой было так интересно! Это несколько позже я стала чувствовать дискомфорт в обществе людей. Это началось тогда, когда пришло первое переосмысление всего что есть в нашем мире. Когда я поняла, что наш мир, это, увы, не мир Средиземья. Здесь просто так нельзя взять и пойти расплавлять Кольцо зла¹² перед самым домом правительства... Но это уже другая тема.

– Да, вот как вам повезло с родителями. – Джон поспешил прервать неловкое молчание, которое могло образоваться после последних слов Анны, но сами её слова запомнил. Они были близки ему. – А у моих можно только в совершенстве научиться тому, как разрушать чужие нерукотворные миры... Но теперь с этим покончено! У меня, смею отныне надеяться, есть вы, друзья мои!

– Конечно, Джон! Мы рады твоей, наконец скинувшей оковы, откровенности! А то я, признаться, попервости думал, что тебя ничем не пробить. – Они втроём обнялись в горячем порыве. – Теперь ты не один.

– Уж кому как не мне понимать, что это значит! Более того, я боялся людей, я сторонился их, но теперь я понял, что не всё так плохо, и кроме всех прочих есть те, кто поймёт и поможет тебе! Отныне и впредь можете так же рассчитывать на мою поддержку! Один за всех! – и Джон радостно и гордо поднял голову.

– И все за одного!

¹² В легендариуме Толкина Кольцо Всевластья являет собой символ и средоточие зла, порабощения.

Улыбка во тьме

Джон возвращался домой уже затемно. Сердце его переполняла непреходящая радость, а думы были светлы и возвышенны. Он шлёпал по лужам под холодным морозящим дождём, не замечая поднявшегося ветра. Редкие фонари освещали усталое, умиротворённое лицо Джона, которому тот день принёс столько неизгладимых впечатлений, но главное потрясение ещё только ждало его. Под курткой он нёс несколько дисков, которые дал ему с собой Уолтер.

Придя домой и запалив камин, Джон вновь не стал включать электрическое освещение. Он достал диски и при неверном свете, отбрасываемом камином, начал рассматривать их. Два диска были битловские – Revolver и Sgt Pepper’s Lonely Hearts Club Band, но его внимание сейчас больше всех привлек третий – с изображением призмы на обложке и проходящими сквозь неё лучами, преломляющимися на выходе всеми цветами радуги. «Как красиво, – подумалось ему. – Послушаю!» И, поставив на диск проигрыватель, уселся в кресле и закрыл глаза. Джон услышал размеренное сердцебиение, и где-то в пространстве заговорил голос: «I’ve been mad for fucking years...»¹³, затем женское стенание ворвалось в мозг Джона, и он ещё успел подумать, что слышит крики роженицы в момент своего появления на свет, и стоны эти есть означение его будущего мученического пути. Затем произошло что-то невозможное в реальном мире: время словно остановилось. Под раскачивающиеся, с величественной печалью зовущие куда-то звуки гитары, он почувствовал, что тело его само поднимается из кресла к потолку комнаты. Он судорожно открыл глаза и, бросив взгляд вниз, увидел своё тело в том же самом кресле, в котором он сидел!.. Через некоторое время он снова ощутил своё тело полулежащим в кресле, но разум его был где-то далеко; в катарсических судорогах тело его выгибалось, видения, великие и прекрасные, следовали одно за одним: вот он стоит на краю мира, готовый броситься с высокой скалы во имя очищения всего человечества; вот отдаёт он последние крохи неимущим; вот затерявшись в суетной безликой толпе, блаженный, медленно бредёт, пряча отстраненную улыбку под вуалью, отрекаясь от всего сущего...

Немного придя в себя, Джон услышал затихающее сердцебиение и слова «There is no dark side on the moon»¹⁴. Он наконец открыл глаза и увидел, что сидит почти в полной темноте, камин догорел, город за окнами тоже погрузился во тьму. «Сколько же прошло времени?» – подумал он. И посмотрев на часы, выяснил, что с момента его прихода домой прошло два часа, «как же прошло столько времени, если я точно не спал?»

Долго ещё сидел он в темноте в своём кресле, размышляя о великом и малом, о мире и о своём месте в нём. «Что будет с миром, куда всё катится? Бездушные машины для убийства себе подобных, атомные бомбы и реакторы, все эти города, компьютеры, телефоны – это ли есть венец человеческого творения? Неужели в том, что мы создали, есть наша сущность и именно таким образом проявилось человеческое предназначение?» В этот момент Джону вспомнились потрясающие своей бесчеловечностью кинокадры военной хроники, где всё небо было в чёрном дыму, а земля в гигантских взрывах и горящих зданиях, а между всем этим маленькие одинаковые фигурки, бегущие куда-то по чьему-то очередному приказу. «Это ли есть цивилизация? Это ли есть Человек Разумный? Тогда в чём же заключается разумность? В убийстве себе подобных? Как же могло так получиться, что наряду с такими божественными произведениями искусства как эта музыка, которую я только что прослушал, человечество могло породить таких жутких монстров? И ведь все вокруг думают, что война – это нормально, это –

¹³ «I’ve been mad for fucking years, absolutely years, been over the edge for yonks, been working me buns off for bands...» – Pink Floyd, «Dark Side of the Moon».

¹⁴ «There is no dark side on the moon on the moon really. Matter of fact, it’s all dark» – Pink Floyd, «Dark Side of the Moon».

испокон веков, и быть по-другому не может. Люди забыли или не знают, почему-то не хотят познать того, что я только что узрел в этой музыке. Почему это никому не нужно? А даже если и нужно, то они, эти люди всё равно, послушав однажды Музыку, всё равно почему-то остаются такими же... Но теперь я изменился. Уолтер был прав, он с самого начала что-то во мне разглядел, я не такой как они. Я буду бороться за правду и изменю мир!» Это было последней мыслью измученного Джона сегодня, он заснул в кресле, укрывшись пледом.

Наступил уже следующий день, а Джон всё никак не мог забыть своих ночных видений и мыслей. Это было слишком ярко, слишком ново и так обжигающе откровенно для него. Будто перед ним открылся совсем иной мир, хотя он, признаться, уже не верил в чудеса в последнее время. И вот теперь, собираясь в колледж холодным утром и слушая дождик за окном, Джон согревался мыслью, что всё, возможно, только начинается. Благодаря музыке, прослушанной ночью, перед ним словно распахнулись врата в дивный райский сад, из которого исходил свет, доселе никогда им невиданный. Он начал осознавать, что тот его мир, который он считал потерянным – с игрушками и детскими фантазиями – суть всего лишь дорожка к чему-то ещё более прекрасному, содержательному и возвышенному. «Да, – размышлял он про себя, – как многолик и непознаваем мир! Когда в очередной раз думаешь, что это конец, оказывается, что это только начало другого пути, иной дороги, ведущей в неведомые дали!»

Одевшись, Джон вышел на улицу и бросил взгляд в сторону Рибблтонского парка. Над виднеющимися золотыми верхушками деревьев висела сплошная дождевая стена, а чуть восточнее плотные клочья тумана образовывали просвет, в котором проглядывал кусочек радуги, поднимающейся из низины над речкой. Образ призмы и радуги с обложки прослушанного ночью альбома вдруг вклинились в его мозг внезапным всполохом, заиграла чудная музыка, позволявшая представить радугу там, где её не было и разрисовать её любыми цветами¹⁵. Джон так и застыл на месте с неоткрытым зонтом в руке, по щеке его текла слеза, смешавшаяся с дождём. И вдруг откуда-то из далёкого далёка, совершенно из другой невозможной в данный момент реальности его окрикнул грубоватый наглый голосок:

– Что, Джон, ворон считаем? Или молимся, чтобы бог сегодня миловал, и учителя не поставили тебе «неуд»? – это была соседка Джона, Эмили Робертсон, его ровесница.

– Доброе утро, Эмили, – ответил Джон и поспешил в колледж, раскрыв наконец зонт.

У ворот колледжа стоял Уолтер. Он приветствовал Джона:

– Настоящая английская погода! Сигару, сэр?

– Привет!

Они спрятались под навес за воротами и закурили. Уолтер выглядел довольным, даже немного торжественным. Джон заметил это и поспешил поинтересоваться причиной хорошего настроения друга. Ответ его немного удивил, впрочем, он уже привык не удивляться Уолтеру – это был самый непредсказуемый человек из всех, кого ему доводилось знать.

– Я радостный? Да ты на себя посмотри, весь сияешь как морийский мифрил¹⁶! Хочешь, я с первого раза угадаю что случилось?

– Да уж, от тебя ничего не скроешь, – улыбнулся Джон. – Послушал я ночью Dark Side, такое со мной творилось!..

– Я очень рад, Джон, я не ошибся в тебе, – очень серьёзно сказал Уолтер.

Джон немного смутился и спросил:

– Да ладно, об этом потом. Как там госпожа Лютиэн? Светла ли была её дорога домой вчера вечером?

¹⁵ «Any Colour You Like» (Pink Floyd, «Dark Side of the Moon»)

¹⁶ Мория – в легендарии Толкина подземное царство гномов, где добывался мифрил, из которого делались самые прочные кольчуги в Средиземье.

– Да, она... ах ты проказник! У меня научился шуточкам! – засмеялся Уолтер и похлопал друга по плечу. – Да ещё эльфийским! Светла ли! Молилась ли ты на ночь, Дездемона! Это можно понимать как «ушла ли она засветло?», высокопарное «путь её был светел», а также то, что она и вовсе не уходила домой, а осталась у меня! Bravo, Джон! Ты ещё обнаружишь себя в литературе, вот увидишь!

– Ага. Непременно! А пока что пойдём обнаруживать себя в географии, или что там у нас для затравки...

Уроки тянулись медленно и ужасно однообразно, в эти часы Джону казалось, что нет на свете ничего хуже. Даже Уолтер, сидевший рядом, приуныл. Уж не заснул ли он, часом?

– Уолтер! – Джон толкнул его вбок под партой.

– Секундочку... На, глянь! – Уолтер протянул Джону учебную тетрадь, на полях которой была нарисована ручкой какая-то затейливая крепость с несколькими рядами кольцеобразных стен.

– Что это?

– Минас-Тирит!¹⁷ Город Королей! Последний оплот всех свободных людей Средиземья. Ты ещё не дочитал до этого момента.

Тем временем прозвенел звонок, и друзья решили проветриться, направившись на облюбованное место за школьными воротами. На улице между тем прояснилось, дождик перестал, посвежело. По небу тянулись рваные кучкующиеся облака.

– Держи, – Уолтер, как уже повелось, протянул Джону сигарету.

– Погодка, однако, располагает к неспешным прогулкам в парке, когда мысли далеки от насущных проблем, а душа тянется к прекрасному и хочется немного пофилософствовать. – Выдал Джон, неспешно вороша ногами опавшую листву и выпуская клубы дыма.

– Ты абсолютно и бесповоротно прав! Более того, теперь ты угадываешь мои мысли! – Уолтер хитро взглянул на Джона.

– Нас ждут великие свершения, друг мой! Что нам какой-то засушенный математик в своих толстых очках! Ему кроме его учебников ничего в жизни уже не нужно.

– Сомневаюсь, что ему вообще когда-либо было что-то нужно кроме этого! Вперёд, Эорлинги!¹⁸ – Уолтеру оставалось только протрубить в рог, подавая сигнал к атаке.

И ребята весело двинулись прочь от опостылевшего им колледжа. А их сумки каким-то непостижимым образом уже оказались у них с собой. А ведь они не стоваривались о побеге!

Друзья весело шлёпали по лужам непринуждённо переговариваясь. Уолтера то и дело подмывало затянуть какой-нибудь боевой мотив.

– А ты вообще, рассказываешь своим, как протекает твоя многообещающая учёба в колледже? Они ведь, несомненно, уже прочат тебе великое будущее профессора, никак не меньше, – улыбался Уолтер.

– Вот ещё, буду я им рассказывать. С ними и поговорить-то не о чем. Разве что о проблемах воспитания ремнём младшего дошкольного, – и Джон соорудил строгую ироничную гримасу. – Эх, хороший наступает вечерок!

– She's got a ticket to ride¹⁹, – пропел Уолтер, старательно подражая голосу Леннона.

– Такую песню я ещё не слышал. Битлы?

– Да, мой друг, они самые... мысли, идеи, роятся в голове моей... опаньки! Есть! Есть идея! Хочешь, покажем тебе с Лютиэн место нашей с ней первой встречи?

¹⁷ В легендарииуме Толкина крепость княжества Гондор.

¹⁸ В легендарииуме Толкина конники Рохана.

¹⁹ Ticket to Ride. Песня Битлз в исполнении Джона Леннона.

– О, как же, слышан! – важно откликнулся Джон. – Каким образом удостоился я столь великой чести созерцать?..

– Всё, решено! Заворачиваем ко мне домой. В парк ещё ходим, не убежит.

Подходя к ограде уолтеровского дома, у Джона мелькнула мысль, что тут он уже начинает чувствовать себя гораздо лучше, чем у себя дома. Вот что значит, когда есть родные, понимающие его люди.

На пороге ребята встретили дядю Чарльза, который уютно устроившись в кресле-качалке, пускал дымные колечки из трубки и что-то неторопливо записывал в блокнотик – наверно, то были стихи об осеннем буйстве красок; дядя Чарльз любил проводить время на природе, описывая её красоты.

– О, добрый вечер, юные джентльмены! – обратился он к друзьям. – Надо полагать, что уроки сегодня закончились несколько раньше, чем оговаривается в школьном расписании. Должно быть, заболел учитель математики! – и дядя Чарльз соорудил крайне соблезную мину. – Какая жалость, должно быть он снова подхватил простуду. Что за напасть эта английская погода, видимо профессор не надел панталоны под брюки и простудился, – и голосом чрезмерно заботливой тётушки добавил: – Ах, мальчики! Мой малыш так жутко хлопает носиком, это ужасно!

Ребята смеялись до слёз. Особенно Джон, для которого это было просто очередным откровением. Кто бы мог подумать, что взрослые могут быть настолько свободны в суждениях и отношении к жизни!

– Да, папа, именно так всё и произошло! Завтра нужно непременно сходить проведать нашего дражайшего профессора... причём, вместо уроков! – Уолтер отсмеялся и продолжил. – На самом деле есть очень хороший план. Сегодня мы идём в лес, нужно только, чтобы Лютиэн смогла пойти с нами, – и он открыл входную дверь, пропуская Джона вперёд.

Поднявшись, Уолтер набрал номер Анны и, поздоровавшись, спросил её. Ему ответили, что он может заходить вместе со своим другом, Анна ждёт их. Она в ванной и скоро будет готова встретить их. Уолтер немного удивился, но ответил, что они сейчас выходят.

– Итак, Джон, чаёк будем пить там. Пойдём, ты как раз ещё не был у Лютиэн, заодно познакомишься с её замечательной мамой, помнишь, она упоминала о ней в своём рассказе?

– Да, конечно помню. Я готов выступить.

Уолтер вытряхнул на пол учебники, сложенные в его школьную сумку («вот, блин, таскаешь эту фигню каждый день с собой»), открыл холодильник, достал оттуда бутылку воды, бутерброды, – «лембас»²⁰, – и сложил всё это в освободившийся от «бесценных фолиантов» рюкзачок.

– Путь наш не близок. Он пролегает сквозь чащи и непроходимые топи. Нам нужно будет часто подкрепляться, – заметил он серьёзно. – Выдвигаемся.

– В Лондоне сыро, а я не захватил с собой и дюжины носовых платков! – отшутился Джон фразой из «Трёх Мушкетёров».

– Лондон... – проворчал в ответ Уолтер, – гиблое место. Вот, возьми-ка. – Он протянул Джону свитер, – на болотах действительно сыро.

– Э-э.. там, что, правда, болота? – недоверчиво спросил Джон.

– Ещё какие! А ещё там жуткие комары-драконы, у-уу! Кусаются! Отец, мы направляемся в Лориэн. – И поправив рюкзак, Уолтер первым вышел за ограду.

Джон уже знал из рассказа Анны, что она живёт где-то недалеко. И действительно, путь до её дома едва ли занял полных четверть часа. Открыв калитку, они направились к уютного вида тёмно-синему строению, окна которого обрамляла затейливая резьба, а на крыше виднелся вращающийся флюгер.

²⁰ В легендариуме Толкина эльфийский хлеб.

– Что стало причиной вашей неожиданной задержки, можно ли поинтересоваться? Очередные козни Сарумана Белого? – обратился к ребятам приятный голос.

На пороге дома стояла стройная молодая женщина в тёмной широкополой шляпе и длинном платье. Она чем-то неуловимо напоминала Анну, хотя, на первый взгляд, и отличалась от неё высоким ростом, янтарными глазами и копной густых золотистых волос. А волевой подбородок и живые, пронизательные глаза вкупе с утончёнными чертами лица выдавали в ней ум и характер, и даже намекали на благородное происхождение.

– Леди Арталиэн. – Уолтер слегка склонился перед ней. – Мы шли самой короткой дорогой.

– Утешьтесь, странники. Долог был ваш путь, теперь отдохните...

– Мы не можем отдыхать, в наших сердцах всегда звучит отголосок моря, мы следуем в Лориэн.

– Отголосок моря! Теперь ясно, почему вы идёте на болота! – Они рассмеялись. – Ну, проходите же. Джон, не стесняйся.

– Джон, это тётя Дженни, мама Лютиэн. Но чаще мы зовём её леди Арталиэн.

– Очень приятно, я о вас уже немного слышан.

Они поднимались по витой лестнице на второй этаж. Оттуда доносилось пение Лютиэн. В песне говорилось о том, что в сердцах эльфов навсегда поселился зов моря, и когда они поют, в их музыке слышится звук волн.

Поднявшись по лестнице, они вошли в довольно просторную залу, сразу поразившую Джона необычной обстановкой и своей особенной атмосферой. Вместо вездесущих одинаковых обоев на стенах висели большие картины, а рамки их были инкрустированы искусной резьбой. Между ними были укреплены бронзовые канделябры. На окне висело полотно ручной вышивки, оно изображало какую-то батальную сцену. А в дальнем углу комнаты Джон заметил висящий на стене меч. Неужели настоящий?

– Привет, ребята! – Анна приподнялась со своей кровати под балдахином из синего бархата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.